

Без иллюзий и очарований

РЕМЬЕРА

«напишу что-нибудь странное...» — обещал Чехов, приступая к написанию «Чайки». И странности его загадочной пьесы мировой театр с тех пор разгадывает. Свою версию, свой сценический «сюжет для большого рассказа» по прославленному чеховскому повествованию предложил ярославскому зрителю главный режиссер театра имени Г. Волкова Владимир Боголепов.

Отметим сразу — ничего загадочного, таинственно пульсующего на глубине чеховской пьесы в спектакле нет. Против, вопреки сложившейся театральной традиции, режиссер сосредоточивает внимание зрителей на банальной жизни банальных людей — на умеренном, вялотекущем темпе ничем особенным не отмеченных дней одной из многочисленных усадеб, разоспанных по всей среднерусской полосе России. Усредненные биографии, обычные люди, скучные, необязательные разговоры... Режиссер истално всматривается в обыденность, умело играя в нее сперва актерам, а затем и зрителям.

Уездного лекаря Дорна режиссер видит человеком вялым, уставшим, погасшим. Глядя на то, как играет эту роль артист Вадим Асташин, трудно понять, что некогда он был людем окрестных дам и перем покорителем губернских дам. Наверное, действительно в нем главным образом людем хорошего врача. Влюблен в него до сей поры Полина древна в исполнении Галины Крыловой намеренно прозаична, надоедлива и временами улична до тошноты. Отвращаясь от ее советов и просьб решительно никакой возможности. Что-то неистребимо мелькает в ее облике и шипит в ее назойливых интонациях: «Время наше ушло...» Усталая гримаса — единственный ответ окружающих на приставания. Ее муж Шамраев в исполнении артиста Сергея Цепова груб, громогласен и митивен, как и положено упряющему большому имени. Их дочь Маша (хороший дебютной выпускницы Ярославского театрального института Галины Мацук) в своем унылом черном платье и с не сходящей с лица не менее унылой улыбкой обречена повторить судьбу своей матери: преследуемая своей бесцветной и обреченной на безответность любовью соседа по имени, выйти замуж за бедного провинциального учителя, родить от него ребенка и до конца своей жизни падать в глуши от «милой провинциальной скуки».

Эта специфично чеховская форма судьбы — черта, тонко отмеченная режиссером. Недавно светлым юмором освещен в этом спектакле образ избранника Медведенко: с наивным философствованием, незлобностью, погруженностью в неизбывные счастия, с которыми соотносится вся его невеселая жизнь провинциального преподавателя. Неизвестно каких школьных дисциплин. Недавний выпускник театрального института Виталий Даушев так свежо и истинно играет эту роль, что вызывает безоговорочные симпатии зрителя зала.

«Пескариния» провинциальная реальность томит, не дает не томить молодых героев чеховской драмы — Нину и Костю Треплева. Одних персонажей стоит заставить внимание — настолько очевидно и почти вызывающе отношение к сложившейся театральной традиции. Неталантливый, попросту скучный. В спектакле теряются персонажи

жами, напрочь лишенными того, что называется «индивидуальностью»: люди, отмеченные печатью ординарности, до времени стертые личности. Ирина Веселова и Илья Коврижных играют Нину и Костю без какого-либо намека на традиционный «второй план», скрытый «подтекст», потаенное «внутреннее действие». Тот Костя, которого играет Илья Коврижных, вряд ли способен написать пьесу о Мировой Душе. А та Нина, которую играет Веселова, — так исполнить роль Мировой Души, что и спустя два года Дорн не сможет забыть волнующего впечатления от любительского спектакля, сыгранного на фоне луны и колдовского озера. Не успев начать свою жизнь в искусстве, они уже проиграли ее. Нине суждено пополнить ряды многочисленных провинциальных актрисул, в вагоне третьего класса путешествующих от одной антрепризы к другой, а Костю — остается только застрелиться, потому что он не тянет не только на открывате-

фото Сергея МЕТЕЛИЦЫ

«Сильная и одаренная натура, Аркадина умеет «держать спину» и не теряться при любом неожиданном повороте судьбы». На снимке: Аркадина — Татьяна Гладенко, Дорн — Вадим Асташин (слева), Сорин — Владимир Солопов.

личном литераторе спрятаны изрядные запасы специфично литературной злости — на себя (а Тригорин отлично знает, что он как «знаменитый писатель» — величина дутая), на тех, кто об этом только догадывается и, наконец, на тех, кто об этом

«держать спину» и не теряться при любом неожиданном повороте судьбы. Она живет полно и талантливо — радостями и печалью актерского труда, воспоминаниями о своих сценических триумфах, любовными переживаниями и т. д. и т. п.

му советнику в отставке Петру Николаевичу Сорину. Сыгранный Владимиром Солоповым тонко, сдержанно, мудро, он менее всего напоминает «человека, который хотел», скорее — героя чеховской «Скудной истории», подводящего итоги своей убывающей на глазах жизни. Из всех персонажей волковского спектакля именно в нем больше всего внутреннего огня, неподдельного интереса к окружающим его людям, желания жить и наслаждаться последними жизненными дарами. Что-то не верится, что его «никогда не любили женщины»... Скорее он сам тактично и умно отодвигался от непрощенных объятий.

Он утратил какую-то часть своих физических сил, но врожденный такт, ум, порода, юмор — все это осталось при нем. Он не брюзжит, не жалуется и не стремится вызвать сочувствие. Он стареет с достоинством и с достоинством принимает все, что выпало ему судьбой на остаток дней. Это его скрытое, негромкое, но неподдельное чувство собственного достоинства как-то привычно незамечается и мало ценится его человеческим окружением — и это еще одна точно выявленная черта чеховской поэтики: одиночество человека среди людей.

Не исключено, что кому-либо из зрителей может показаться пресной не только точно воссозданная в спектакле чеховская реальность, но и сама манера ее сценической подачи: неброская, выдержанная в голубовато-серых тонах декорация (художник — Татьяна Терентьева), умеренное, далекое от всякой театральной назойливости музыкальное сопровождение (музыкальное оформление — Ирина Кузнецова), ровное течение сценического действия. Тем, кто не мыслит театра без крикливой красоты, жирных режиссерских курсивов и подчеркнутых актерских акцентов, нечего делать на этом спектакле. В нем действительно отсутствуют нервный лиризм, острый драматизм, поэзия высокой классики. Но в нем есть другие достоинства — стиливая точность актерского ансамбля, большая режиссерская культура, выдержанность сценической манеры. Это немало, совсем немало для того, кто любит театр вообще и театр Волкова в частности.

НИНА ШАЛИМОВА, профессор Ярославского театрального института.

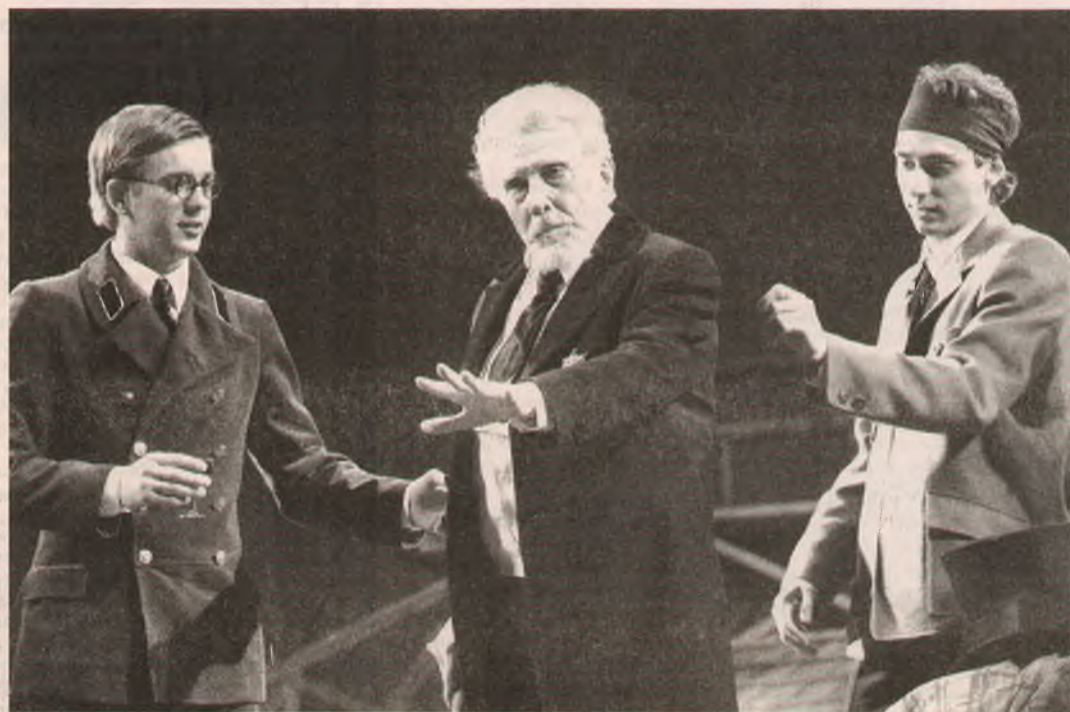

фото Сергея МЕТЕЛИЦЫ

«Сорин стареет с достоинством и с достоинством принимает все, что выпало ему судьбой на остаток дней». На снимке: Медведенко — Виталий Даушев, Сорин — Владимир Солопов, Треплев — Илья Коврижных.

ля новых форм в искусстве, но и на второразрядного беллетриста, каким является любовник его матери Тригорин.

В этом спектакле и Нина, и Костя — не соперники старшему поколению. Их более опытные соперники по актерской и писательской судьбе гораздо интереснее. Право, мы не можем осудить Тригорина за то, что страницы, отведенные в журнале под опус Треплева, он не захотел разрезать. Действительно, что там прочтешь: «афиша на заборе гласила» да «бледное лицо, обрамленное темными кудрями» — вот и все литературные изыски... Тригорин пишет «хуже Тургенева», а Треплев — даже «хуже Тригорина». Игорь Сидоренко играет отнюдь не «звезду» отечественной беллетристики — его герой, подобно Маше Шамраевой, «тащит свою жизнь волоком». Чувствуется, что тяготясь его столичной жизни не менее утомительна, чем жизнь уездной барышни. В этом до времени расплывшемся сто-

судачит за спиной. В тригоринском монологе о своей писательской судьбе нет ничего резонерского — артист произносит его с подлинной горечью и прорвавшейся наружу злостью. Видимо, действительно Нина, сама того не ведая, наступила на его «любимую мозоль». Все остальное время он молчалив, скрытен и так вял, что этой своей вялостью может вполне поспорить с уставшим от жизни Дорном. Он органично сливается с остальными обитателями имения — ему с ними проще и комфортнее, чем со своей яркой и неожиданной любовницей, знаменитой актрисой Аркадиной.

Вот кем режиссер открыто любит и даже восхищается — этой незаурядной женщиной, сумевшей вырваться из цепких объятий провинциальной реальности, подняться над серой обыденностью и парить над ней, не давая себе покоя ни днем, ни ночью, ни в работе, ни на отдыхе. Сильная и одаренная натура, она умеет

Она ни минуты не киснет и подлинно «держит себя в струне» — ревнует и злится, закатывает скандалы и чарует собой. Она умеет не слышать того, чего не хочет слышать, и ловко вытаскивает из окружающих комплименты ее красоте, молодости, дарованию. А как ловко она управляет с взбрыкнувшим на какое-то мгновение любовником — разложила на полу, заморочила, заговорила и убедилась во всем, в чем хотела убедить. От такой женщины не уйти не то что Тригорину, но и любому другому мужчине — уж больно хороша чертовка. Нервная, как породистая лошадка, и темпераментная, как истая прима, гибкая, изящная, обворожительная женщина в стиле модерн — такова Аркадина этого спектакля в замечательном исполнении Татьяны Гладенко.

Самые глубокие, самые нежные, самые тонкие переживания сценического сюжета отдаются брату заезжей знаменитости — действительно статско-